

Д.В. КУЗНЕЦОВ

РАСПАД ЮГОСЛАВИИ (1989–1995 годы) И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В СТРАНАХ ЗАПАДА

Драматические по своему характеру события, которые потрясли Балканский полуостров в 1990-е годы – Югославский кризис, вызвали не только повышенный интерес к ним со стороны руководства стран Запада, но и имели большой резонанс среди мировой общественности, в частности в Западной Европе и США. Данные, извлеченные из многочисленных опросов общественного мнения, проведенных в странах Запада в связи с развитием ситуации в бывшей Югославии, характеризуют отношение их жителей к Югославскому кризису.

Истоки Югославского кризиса¹ достаточно глубоки: еще со времени создания в 1918 г. единого Югославского государства стал формироваться целый комплекс противоречий, которые со всей очевидностью проявились после смерти в мае 1980 г. лидера Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) И. Броз Тито, ранее своим властным авторитетом поддерживавшего единство страны. В 1980-е годы центробежные тенденции в СФРЮ усилились, и вскоре Югославия фактически распалась на восемь автономных экономических регионов², управляемых местной, построенной по национальному и религиозному признаку, и поэтому этнократической, партийно-хозяйственной и военной элитой. В 1989 г. эти процессы приобрели угрожающие размеры.

В 1990–1991 гг. распад Югославии ускорился, и в этих условиях представители международного сообщества активизировали свою деятельность. Тем не менее именно тогда социально-политическая обстановка в Югославии резко обострилась, о чем, в частности, свидетельствовал тот факт, что практически во всех союзных республиках нарастали сепаратистские тенденции, а также усиливалась борьба за власть. 25 июня 1991 г. была провозглашена независимость Словении и Хорватии, 18 сентября – Македонии, 15 октября – Боснии и Герцеговины, после чего СФРЮ в прежнем виде прекратила свое существование. В составе Югославии остались только Сербия и Черногория, образовавшие Союзную Республику Югославия – СРЮ (в 2007 г. она распалась) 27 апреля 1992 г., после того как страны – члены ЕС вслед за Германией и Италией признали независи-

Кузнецов Дмитрий Владиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Благовещенского государственного университета.

¹ В настоящее время, как у нас в стране, так и за ее пределами, имеется большое количество научных трудов, посвященных Югославскому кризису. Наиболее фундаментальный из них – работа, автором которой является Е.Ю. Гуськова. – *Гуськова Е.Ю.* История Югославского кризиса, 1990–2000 гг. М., 2001. См. также: *Арбатова Н.К.* Мир или перемирие? – Мировая экономика и международные отношения, 1998, № 9; *Волков В.К.* Трагедия Югославии. – Новая и новейшая история, 1994, № 4–5; *его же.* Трагедия Югославии. – Осмысление истории. М., 1996; *его же.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000; *Клименко З.В.* Югославский кризис и его международные последствия. – Мировая политика и международные отношения на пороге третьего тысячелетия. Под ред. М.М. Лебедевой. М., 2000; *Романенко С.А.* Югославия: история возникновения, кризис, распад, война, образование независимых государств. Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв. М., 2000.

² Речь идет о шести республиках, входивших в состав СФРЮ: Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Македонии, Сербии, Черногории, а также о двух автономных краях в составе Сербии (Воеводина, Косово и Метохия).

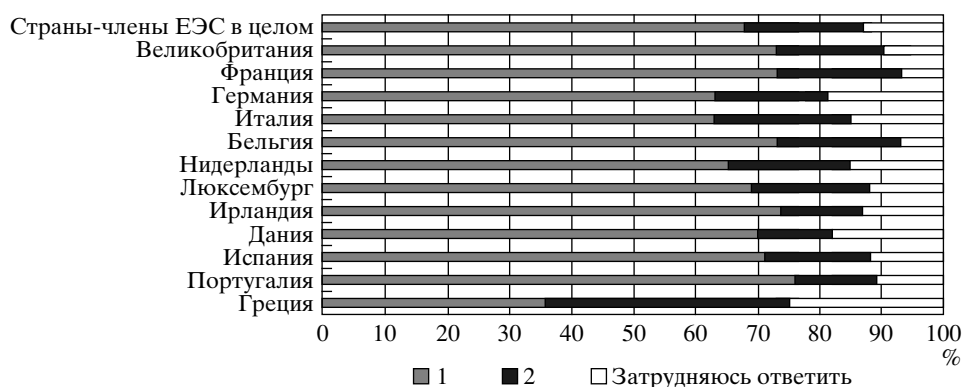
мость Словении и Хорватии (15 января 1992 г.), затем – Македонии и Боснии и Герцеговины (7 апреля 1992 г.).

Вполне понятно, что в силу непосредственной близости к событиям, происходившим на территории бывшей Югославии, первоначально реакция на них была зафиксирована среди общественности стран Европы.

Примечательно, что европейцы (за исключением жителей Греции) тогда в целом лояльно отнеслись к распаду некогда единой Югославии, о чем свидетельствуют результаты опроса общественного мнения, проведенного среди жителей 12 стран – членов ЕЭС в конце 1991 г. (табл. 1)³. Вопрос, который был им задан, звучал так: "Какое, на Ваш взгляд, развитие событий в настоящее время применительно к Югославии предпочтительнее? 1. Развитие демократии и реализация права на самоопределение, 2. Сохранение территориальной целостности страны".

Таблица 1

Отношение жителей 12 стран – членов ЕЭС к распаду Югославии



Такой результат, на наш взгляд, объясняется в первую очередь следующим: события, происходившие тогда в Югославии, расценивались как составляющие единого процесса демократизации, развернувшегося в странах Центральной и Юго-Восточной Европы после демократических революций 1989 г. В этой части Европы произошел крах социалистических режимов и начался переход к строительству демократии. Кроме того, кардинально изменилась внутренняя и внешняя политика СССР. Связанная с этим эйфория среди европейцев, естественно, оказывала влияние на их отношение к происходящему в СФРЮ. Кстати, аналогичную с жителями 12 стран – членов ЕЭС точку зрения разделяли и жители стран Центральной и Юго-Восточной Европы (за исключением Румынии, где, как известно, демократическая революция сопровождалась трагическими событиями, приведшими к значительным жертвам среди мирного населения), а также Восточной Европы (например, Литвы, Латвии и Эстонии) и даже европейской части России. Ответы ее жителей на указанные выше вопросы дали тогда следующие результаты: 1. Развитие демократии и реализация права на самоопределение – 45%; 2. Сохранение территориальной целостности страны – 38%; 3. Затрудняюсь ответить – 18%⁴.

Однако вскоре события на территории теперь уже бывшей Югославии приобрели драматический характер, о чем свидетельствовали вспыхнувшие здесь вооруженные конфликты. После в целом непродолжительных военных действий между Югославской национальной армией (ЮНА) и словенцами 27 июня – 6 июля 1991 г. (так называемой

³ Eurobarometre. L' Opinion publique dans la Communauté Européenne, Bruxelles, № 36, décembre 1991, p. A41.

⁴ Central and Eastern Eurobarometer (CEEB) 2. (september – octobre 1991). – http://ec.europa.eu/public_opinion/archives_en.htm.

"Десятидневной войны") и начавшейся вскоре гражданской войны в Хорватии, длившейся в течение 1991–1995 гг., эпицентр кризиса переместился в Боснию и Герцеговину. Именно здесь в 1992–1995 гг. развивались, пожалуй, самые трагические события – гражданская война в форме "все против всех", которая привела к колоссальным жертвам среди населения и разрушениям. Ее главными участниками стали представители трех крупнейших этнорелигиозных общин – боснийские сербы, боснийцы-мусульмане и хорваты. Они создали собственные государственные образования – соответственно Республику Сербскую, Республику Боснию и Герцеговину и Хорватскую Республику Герцег-Босна.

Югославский кризис вызвал огромный общественный резонанс. Мировая общественность, и прежде всего западноевропейцы, которые находились в непосредственной близости от места событий, с повышенным интересом следили за происходящим на территории бывшей Югославии. В структуре массового сознания жителей Западной Европы стали формироваться весьма характерные, но при этом достаточно противоречивые тенденции. С одной стороны, желание руководителей стран Западной Европы сыграть в 1989, 1990–1991 гг. миротворческую роль в бывшей Югославии, их стремление выступить в качестве посредников в деле урегулирования ситуации на Балканах, нашло поддержку среди общественности. Вероятность того, что конфликт мог разрастись и выйти за пределы бывшей Югославии – на территорию Западной Европы, естественно, сильно встревожила европейцев, и вследствие этого они полностью поддерживали руководство своих стран в попытках урегулировать ситуацию. С другой стороны, в 1990-е годы среди общественности стран Западной Европы стал складываться крайне негативный образ сербов, в чем, на наш взгляд, определяющую роль сыграли средства массовой информации – периодическая печать, телевидение и радио.

Со всей очевидностью это проявилось уже в 1991 г., но особенно в 1992 г., когда ЕЭС, а также СБСЕ возложили вину за происходящее на Балканском полуострове исключительно на сербов и их руководителей – С. Милошевича и др. СМИ полностью поддержали данную точку зрения. Анализ около 1,5 тыс. статей западных газет и журналов показал, что большинство публикаций носило явный антисербский характер⁵.

Если на страницах периодической печати стран Запада и появлялись статьи, в которых балканские события рассматривались с объективных позиций, то их количество было невелико и, как правило, они выходили с большим опозданием. Примером может служить освещение одной из первых трагедий, связанных с гибелью гражданских лиц в Сараево. 27 мая 1992 г., по сообщениям СМИ, в центре Сараево в результате артиллерийского обстрела, когда один из снарядов попал в очередь, стоявшую за хлебом, имели место значительные жертвы: 16 убитых и 140 раненых. И хотя прямого доказательства, что это сделали боснийские сербы, не было, ответственность возложена была именно на них. Только спустя несколько месяцев, 22 августа 1992 г., в газете "Индепендент" появилась статья корреспондента в Нью-Йорке, в которой со ссылкой на информацию, полученную из достоверных источников ООН, говорилось, что, по всей вероятности, этот, а также другие подобные инциденты – дело рук боснийцев-мусульман. Их цель состояла в том, чтобы привлечь внимание мирового общественного мнения, расположить его в свою пользу и получить поддержку для военного вмешательства в Боснию и Герцеговину⁶. В результате, благодаря СМИ, которые освещали события на территории бывшей Югославии, как правило, с односторонних позиций, в странах Западной Европы сформировалось устойчивое мнение, что именно сербы осуществляют так называемые "этнические чистки"⁷ в Боснии и Герцеговине.

⁵ См. Brock P. Dateline Yugoslavia: The Partisan Press. – Foreign Policy, № 93, winter 1993–1994, p. 152–172.

⁶ Independent, 22.VIII.1992.

⁷ "Этнические чистки" (ethnic cleansing) – термин, который впервые был введен в обиход применительно к событиям в бывшей Югославии. "Этнические чистки", имевшие место главным образом на территории Боснии и Герцеговины, где существовало чересполосное проживание трех этнорелигиозных общин (боснийские сербы, боснийцы-мусульмане и хорваты), привели к тому, что на первый план в вооруженных столкновениях между противоборствовавшими сторонами вышло соединение национальных анклавов и насильственное изгнание с контролируемых территорий представителей других национальностей.

Конечно, гражданская война в Боснии и Герцеговине, как любая гражданская война, сопровождалась зверствами со стороны ее участников – боснийских сербов, боснийцев-мусульман и хорватов. Однако характер подачи информации в СМИ стран Запада привел к тому, что именно боснийские сербы стали расцениваться европейцами как главные участники этого варварства.

Пожалуй, один из самых ярких тому примеров – репортаж телекомпании Ай-Ти-Эн из Республики Сербской, анклава сербов в Боснии и Герцеговине, затем помещенный в печатном виде в газете "Гардиан"⁸. Журналисты, приехавшие по приглашению президента Республики Сербской Р. Караджича в город Трнополье, сняли кадры, на которых запечатлели изможденных мусульман за колючей проволокой. Известие о том, что сербы создают специальные "концентрационные лагеря" для захваченных в плен мусульман, обошли весь мир, после чего сформировался устойчивый миф, будто в бывшей Югославии со стороны сербов, и только с их стороны, имеет место нарушение прав человека. И хотя впоследствии в газете "Интернэшнл геральд трибюн" известный исследователь истории Холокоста С. Визенталь заявил о явной "непропорциональной" оценке действий сербов в Боснии и Герцеговине и их "преувеличенном" сравнении с фашистами времен Второй мировой войны, а также напомнил о том, что количество беженцев среди сербов исчисляется десятками тысяч⁹, его мнение не повлияло на уже сформированную точку зрения.

Первоначально шок, а затем тревога по поводу перемещения балканского конфликта на европейский континент получили распространение среди европейцев. В результате они стали критически относиться к сербам вообще, и в частности к действиям их руководителей в лице президента Сербии С. Милошевича¹⁰ и лидеров боснийских сербов – президента Республики Сербской Р. Караджича и командующего войсками боснийских сербов генерала Р. Младича¹¹. Процесс так называемой "демонизации" сербов приобрел вполне конкретные очертания, причем не только в Европе, но и в США, где широкое освещение получила тема "зверств", чинимых сербами в Боснии и Герцеговине. Многочисленные репортажи "с места событий", опубликованные в периодической печати и показанные по телевидению, только еще больше укрепляли американцев в негативном мнении о сербах. Так, например, в редакционной статье "Вашингтон пост" от 5 августа 1992 г. под заголовком "И снова концлагеря!" говорилось: "Преступления сербов, подобные нацистским, являются окончательным поводом к тому, чтобы осуществить некоторое военно-силовое вмешательство в ситуацию". И далее: "Необходимо резко увеличить американское и международное давление в отношении Сербии, а также привлечь США к участию в вооруженных силах ООН, действующих в республиках экс-Югославии"¹².

Тем временем в рамках Совета Безопасности ООН были приняты резолюции по ситуации в бывшей Югославии. В соответствии с резолюцией № 713 от 25 сентября 1991 г. было установлено эмбарго на поставки оружия и военных материалов в бывшую Югославию, а 30 мая 1992 г. в соответствии с резолюцией № 757, в наказание за участие ЮНА в военных действиях на территории Боснии и Герцеговины в отношении СРЮ был введен режим международных санкций, который впоследствии постоянно ужесто-

⁸ The Guardian, 6.VIII.1992.

⁹ International Herald Tribune, 12.VIII.1992.

¹⁰ С. Милошевич долгое время активно пытался реализовать на практике идею так называемой "Великой Сербии", и, как представляется, эти националистические устремления сыграли важнейшую роль в формировании негативного отношения к нему со стороны жителей стран Запада. В результате Милошевич предстал в СМИ как некий "злой гений", организовавший геноцид против целого ряда национальных групп, проживающих на территории бывшей Югославии.

¹¹ Наряду с ними широкую "известность" получили многочисленные участники войны в Боснии и Герцеговине, прибывшие из Сербии, например Ж. Ражнатович – полевой командир, более известный под именем Аркан.

¹² The Washington Post, 5.VIII.1992.

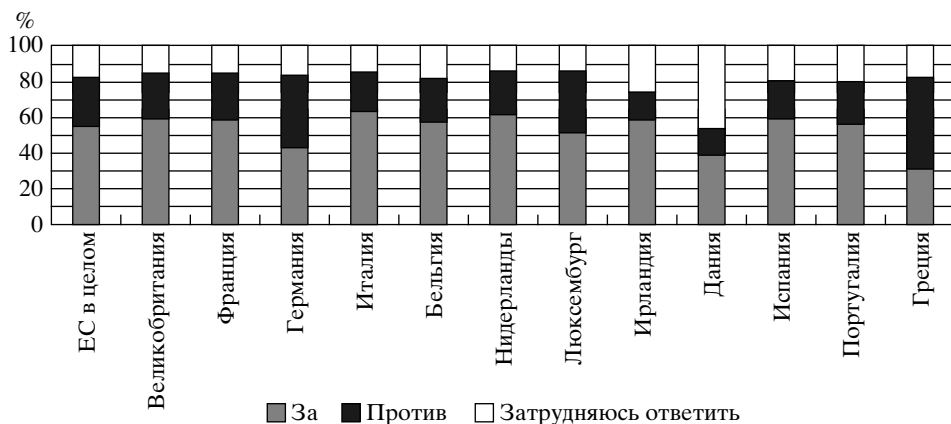
чался. 29 июня 1992 г. появилась резолюция № 761, где подчеркивалась важность урегулирования ситуации, сложившейся тогда вокруг Сараево, в том числе речь шла о необходимости отправки туда гуманитарной помощи. Ранее, еще в конце 1991 г., в Совете Безопасности ООН была рассмотрена возможность посылки в Югославию контингента миротворческих войск.

Серьезную активность тогда развило и Европейское Сообщество, которое постоянно предлагало свои посреднические услуги по нормализации положения в бывшей Югославии. При этом первоначально позиция руководства стран – членов ЕЭС несколько расходилась с настроениями европейцев, поскольку официальная Европа безоговорочно выступала за сохранение территориальной целостности СФРЮ и приверженность принципам нерушимости границ в Европе в соответствии с Хельсинкскими соглашениями, заключенными в 1973 г.

Несмотря на то, что европейцы в своем относительном большинстве (42% против 29%) давали критическую оценку деятельности ЕС по урегулированию Югославского кризиса¹³, именно ЕС, а не какое-нибудь государство в отдельности, взяло на себя ответственность по урегулированию ситуации в бывшей Югославии. Когда эпицентром кризиса стала Босния и Герцеговина, представители ЕС начали вновь проявлять активность. Отправка в Боснию и Герцеговину контингента войск ООН – так называемых "голубых касок"¹⁴, среди которых было и немало европейцев, расценивалась руководством стран Западной Европы как конкретный вклад международного сообщества в дело нормализации ситуации в бывшей Югославии в русле оказания гуманитарной помощи. Вследствие этого в 1992 г. европейцы стали достаточно определенно выступать за активизацию действий международного сообщества в отношении Югославской проблемы. Уже в следующем, 1993 г. в ходе проведенного в 12 странах – членах ЕС опроса общественного мнения выяснилось, что в среднем 55% европейцев выступали за осуществление военной интервенции на территорию бывшей Югославии под эгидой ООН, рассматривая этот шаг в качестве одной из составляющих общей внешней политики ЕС и его политики в области обороны, и только 28% выступали против подобного варианта развития событий (табл. 2)¹⁵. Ответы на вопрос, заданный жителям 12 стран – членов ЕС: "Как Вы относитесь к осуществлению возможной военной интервенции на территорию бывшей Югославии?", – распределились следующим образом:

Таблица 2

Отношение жителей 12 стран – членов ЕС к возможной военной интервенции на территорию бывшей Югославии



¹³ Eurobarometre. L' Opinion publique dans la Communauté Européenne, № 36, decembre 1991.

¹⁴ Силы Организации Объединенных Наций по охране (United Nations Protection Force – UNPROFOR).

¹⁵ Eurobarometre. L' Opinion publique dans la Communauté Européenne, № 39, juin 1993, p. A25.

Одной из причин такой позиции, на наш взгляд, явилось то, что европейцы были крайне озабочены драматически развивающейся ситуацией в бывшей Югославии, прежде всего в Боснии и Герцеговине. Тем самым они как бы подталкивали руководство своих стран к активным действиям, считая, что операция по поддержанию мира ликвидирует эту угрозу для Европы. Вместе с тем решительность европейцев представляла собой своеобразный ответ на действия боснийских сербов, которые именно в 1993 г. совершили целый ряд акций в отношении находившихся в Боснии и Герцеговине миротворцев из состава войск ООН. В частности, в августе 1993 г. вооруженные подразделения боснийских сербов осуществили нападение на военнослужащих из контингентов Великобритании и Франции, что вызвало резкий протест со стороны руководства этих стран, а также привело к усилению антиюгославских настроений среди общественности.

Необходимо учесть и то обстоятельство, что к этому моменту в общественном мнении окончательно укоренился крайне негативный образ боснийских сербов, о чем свидетельствовали данные опроса общественного мнения, проведенного в мае 1993 г.¹⁶ Исключение составляла лишь Греция, жители которой заняли иную позицию, а ее руководство в обход режима международных санкций, установленный ООН в отношении СРЮ, оказывала последней помощь.

Исследователь М. Папаконстантину отмечает, что во время Югославского кризиса греки, причем из разных слоев общества, очень симпатизировали сербам, в том числе их лидерам – С. Милошевичу, Р. Караджичу и Р. Младичу¹⁷. Президент Республики Сербской в Боснии и Герцеговине Караджич летом 1993 г. посетил Грецию. В порту Пирей его встречала толпа восторженных греков, пытавшихся выразить сербу свое почтение. Серия встреч Караджича с представителями политических партий, профсоюзов и СМИ Греции, с руководством Греческой православной церкви только лишний раз подчеркнула наличие этих симпатий.

Возникновение просербских настроений в Греции, по мнению Папаконстантину, объясняется не только принадлежностью греков и сербов к одной религии – православию, но также существованием в самой Греции воинствующего национализма греческого типа, который, продолжает автор, появился при участии Греческой православной церкви. Наряду с этим свою роль сыграли антизападные, и особенно антиамериканские, настроения в греческом обществе, причем как на его правом, так и на левом фланге. Папаконстантину приводит в доказательство несколько красноречивых фактов, свидетельствующих о просербских настроениях в греческом обществе. Так, во время войны в Боснии и Герцеговине на стороне боснийских сербов сражались отряды греческих добровольцев, а во время трагических событий в Сребренице в Греции наблюдалось, по выражению автора, "ликование"¹⁸.

Между тем в Европе сложилось общее мнение, что основным фактором урегулирования положения в Боснии и Герцеговине должны стать многосторонние усилия с участием не только европейских государств, но и представителей международного сообщества. Речь шла в первую очередь об Организации Объединенных Наций, даже несмотря на то, что деятельность ООН по разрешению Югославского кризиса оценивалась как малоэффективная. Подавляющее большинство европейцев считало, что "ООН должна быть уполномочена осуществлять действия, в том числе с использованием силы, с целью урегулирования ситуации в бывшей Югославии". Многосторонние усилия, в представлении европейцев, хотя и были предпочтительны, не являлись единственным вариантом, поскольку большинство из них положительно (в отличие от тех же американцев)

¹⁶ Eurobarometer, L'Opinion publique dans la Communauté Européenne, may 1993.

¹⁷ Популярность Караджича и Младича оставалась на высоком уровне. Когда они были объявлены "военными преступниками", в Греции при участии Общества греческо-сербской дружбы было собрано 2 млн. подписей в их поддержку.

¹⁸ *Papakonstantinou M. Unholy Alliance: Greece and Milosevic's Serbia.* College Station. Texas A&M University Press, 2002, p. 22.

отзывались и об одностороннем подходе, т.е. о каких-либо действиях своих правительств. Тот факт, что ситуация в Боснии и Герцеговине в течение всего 1993 г., а также в условиях наступившего 1994 г. продолжала оставаться исключительно сложной, только усиливал отмеченные выше настроения среди европейцев. Рост числа тех, кто считал необходимым осуществить немедленное вмешательство, наблюдался тогда в четырех крупнейших странах Европы: Великобритании (с 60 до 65%), Франции (с 59 до 75%), Германии (с 43 до 57%) и Италии (с 64 до 65%)¹⁹.

Важно подчеркнуть, что устойчивое стремление европейцев к активному участию в процессе урегулирования ситуации в Боснии и Герцеговине фактически вошло в противоречие с позицией, которую тогда занимало руководство названных выше государств. Только после того, как произошли инциденты с военнослужащими из состава миротворцев, их осторожная позиция, связанная с нежеланием рисковать, стала меняться.

Среди европейцев в целом тогда наблюдался настрой, который можно квалифицировать как "интервенционизм". Со всей очевидностью он проявился в феврале 1994 г., когда ситуация в Боснии и Герцеговине резко обострилась, после того как 5 февраля 1994 г. произошел взрыв на рыночной площади Маркале в Сараево и погибли 68 человек, а более 200 были ранены. В тот же день Генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-Гали заявил, что взрыв в Сараево – "скорее всего" дело рук боснийских мусульман, а телевидение ряда стран Западной Европы сообщило, что взорвавшаяся в Сараево мина, возможно, была выпущена боснийскими мусульманами. Однако в США и в других странах Запада сложилось мнение, что мина прилетела с позиций боснийских сербов. Свою роль в этом сыграли СМИ. В осажденном Сараево в то время находилось много западных журналистов. Сочувствуя боснийцам-мусульманам – жителям Сараево и вместе с ними ощутив на себе блокаду города, они утратили объективность в подаче информации.

Европейцы, как свидетельствуют данные двух опросов общественного мнения, проведенных 1–8 февраля 1994 г.²⁰ и 1–7 июня 1994 г.²¹, в своем подавляющем большинстве (82% и 78%) выразили неприятие к подобному развитию ситуации в Боснии и Герцеговине и в целом проявили решимость поддержать ответные действия стран – членов ЕС. С этого момента можно было говорить о том, что позиция руководства стран Европы оказалась в целом созвучной общественному мнению. В этих условиях НАТО, постепенно наращивавшая свое присутствие в бывшей Югославии, приступила к активным действиям против боснийских сербов. 28 февраля 1994 г. американские F-16 в небе над Баня-Лукой сбили четыре самолета ВВС СРЮ. 10 и 11 апреля самолеты ВВС стран – членов НАТО нанесли ракетно-бомбовые удары по позициям боснийских сербов около "зоны безопасности" вокруг Горажде, а 5 августа 1994 г. – по позициям боснийских сербов в зоне Сараево. В дальнейшем это повторилось еще не раз. В результате НАТО во главе с США начинала действовать в Боснии и Герцеговине самостоятельно, причем акцент окончательно был смещен в сторону принудительных действий в отношении боснийских сербов.

Как свидетельствуют результаты опросов общественного мнения, проведенные тогда в Великобритании²² и Франции²³, граждане этих государств вновь одобрили возможную военную операцию НАТО против боснийских сербов и участие в ней своих стран. Жители Германии и Италии в феврале 1994 г. тоже поддержали идею отправки в район

¹⁹ См. *Sobel R.* U.S. and European Attitudes Toward Intervention in the Former Yugoslavia: Mourir pour la Bosnie? – *Ullman R.H.* The World and Yugoslavia's Wars. New York, 1996, p. 145–181.

²⁰ *Europinion*, № 1, april 1994. Results of "Continuous Tracking" Surveys of the European Union (january to april 1994). – http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/europinion_cts/eo1/eo1_en.htm.

²¹ *Europinion*, № 2, july 1994. Results of "Continuous Tracking" Surveys of the European Union (may to july 1994). – http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/europinion_cts/eo2/eo2_en.htm.

²² См. *Wybrow R.J.* British Attitudes towards the Bosnian Situation. – *International Public Opinion and the Bosnia Crisis: A Comparative Perspective*. Lanham, 2003.

²³ См. *Morjé H.M., Morjé H.L.* Raison d'état or raison populaire? The Influence of Public Opinion on France's Bosnia Policy. – *International Public Opinion and the Bosnia Crisis: A Comparative Perspective*.

конфликта в Боснии и Герцеговине контингентов войск своих стран. Положительно к этому относились соответственно более 50% и более 60%. Характерно, что и здесь свою роль сыграли СМИ. Соответствующей подачей материала – широко "разрекламированными" тогда в странах Западной Европы "этническими чистками" со стороны сербов – они изменили восприятие Югославского кризиса. Он стал оцениваться как явление, к которому и немцы, и итальянцы имеют непосредственную причастность. Под влиянием СМИ пацифистский настрой определенной части немцев и итальянцев сократился до минимума. В результате общественное мнение Германии и Италии²⁴ стало более благосклонно относиться к возможному вмешательству в конфликт в Боснии и Герцеговине в рамках действий по поддержанию мира. Кроме того, немцы и итальянцы стали рассматривать эти действия в контексте укрепляющейся в Европе системы коллективной безопасности.

Несколько отличались взгляды общественности Нидерландов. Как заявляет исследователь Ф. Эверт, голландцы "в целом понимали, что международное сообщество должно вмешаться в ситуацию, но при этом задавались вопросом: как и что должно быть в этом случае сделано и какими будут последствия такого вмешательства?"²⁵. Действительно, голландцы считали, что использование вооруженных сил в рамках операции по поддержанию мира в бывшей Югославии представляет собой вполне оправданный шаг со стороны представителей международного сообщества. Вследствие этого и их отношение к участию Нидерландов в миротворческой операции, в целом положительное, во многом проистекало из того, что они (как и жители других стран Западной Европы, особенно крупнейших) ощущали свою причастность к трагическим событиям, происходящим на Балканском полуострове, и полагали, что на Нидерланды, как и на других представителей международного сообщества, легла определенная ответственность за нормализацию ситуации в бывшей Югославии.

Однако по мере затягивания конфликта и в связи с трудностями, которые испытывали размещенные в Боснии и Герцеговине "голубые каски", преобладающая поддержка голландцами миротворческой операции в бывшей Югославии с участием своей страны в рамках СООНО существенно снизилась. При этом минимальный уровень этой поддержки отмечался в июле 1995 г., когда в Боснии и Герцеговине в качестве заложников были захвачены военнослужащие из числа "голубых касок", и среди них немало голландцев, и тогда, когда, оказав давление на контингент голландцев в районе Сребреницы, боснийские сербы вынудили их уйти с места своей дислокации и 11 числа захватили этот город²⁶. Эти события и повлияли на результаты опроса общественного мнения, проведенного в Нидерландах 12 июля 1995 г. В частности, голландцы заявили, что в сложившейся ситуации целесообразнее осуществить вывод находящихся на территории Боснии и Герцеговины контингентов войск, действующих в рамках СООНО. На это указало большинство опрошенных – 57%, тогда как 33% высказались за то, чтобы "голубые каски" и дальше продолжали свою миссию²⁷.

Лишь спустя более чем месяц, в конце августа 1995 г., голландцы изменили свою точку зрения. Причины подобной трансформации объясняются тем, что в августе 1995 г. ситуация в Боснии и Герцеговине кардинально изменилась. К этому времени НАТО

²⁴ Подробнее см.: *Johnston K. German Public Opinion and the Crisis in Bosnia. – International Public Opinion and the Bosnia Crisis: A Comparative Perspective*, p. 249–282; *Bellucci P., Isernia P. Massacring in front of a Blind Audience? Italian Public Opinion and Bosnia. – Ibid.*, p. 173–218.

²⁵ См. *Everts Ph. Innocence Lost: the Netherlands and the Yugoslav Conflict. – International Public Opinion and the Bosnia Crisis: A Comparative Perspective*, p. 225.

²⁶ Подробнее: *Both N. From Indifference to Entrapment: The Netherlands and the Yugoslav Crisis, 1990–1995. Amsterdam, 2000*, p. 181–242. В марте-апреле 2002 г. в Нидерландах после того, как в результате подготовленного доклада экспертов из *Nederlands Instituut voor Oorlogsdocumentatie* были обнародованы некоторые факты, связанные с трагическими событиями в Сребренице (См. *Srebrenica – a "Safe" Area. Reconstruction, Background, Consequences and Analyses of the Fall of a Safe Area. NIOD Report. – <http://www.niod.nl/>*), разразился настоящий политический кризис. Правительство Нидерландов признало свою моральную ответственность за гибель более чем 7 тыс. боснийцев-мусульман и в полном составе подало в отставку.

²⁷ См. *Everts Ph. When the Going Gets Rough: Does the Public Support the Use of Military Force? – World Affairs*, v. 162, № 3, winter 2000, p. 91–107.

приняла "Меморандум о взаимопонимании с ООН", в соответствии с которым командование НАТО получило полномочия принимать решения о нанесении воздушных ударов в Боснии и Герцеговине. В ответ на действия, якобы осуществлявшиеся боснийскими сербами²⁸, страны Запада усилили нажим на СРЮ. В ночь на 30 августа 1995 г. началась операция "Освобожденная сила" (или "Немедленный ответ"). Самолеты стран – членов НАТО стали наносить воздушные удары по позициям боснийских сербов. Это продолжалось вплоть до 20 сентября 1995 г. Европейцы в большинстве своем (57%) выступали за проведение военно-силовой акции в отношении боснийских сербов (исключение составляли жители Греции, 84% были против), но при этом европейцы считали необходимым продолжить переговорный процесс, целью которого должно было стать урегулирование конфликта. За это высказались 83%²⁹.

Таким образом, в 1992–1995 гг. в своем подавляющем большинстве население стран Западной Европы было солидарно с той позицией, которую в отношении событий в бывшей Югославии заняло руководство их стран, а также страны – члены НАТО. Стремление оказать давление на боснийских сербов было значительным, и впоследствии европейцы сохранили этот настрой. При этом захват боснийскими сербами Сребреницы и обнародованные вскоре факты о массовых убийствах боснийцев-мусульман³⁰ окончательно превратили боснийских сербов и сербскую нацию в целом в "истинных", по мнению Запада, виновников трагедии в Боснии и Герцеговине. Процесс "демонизации" сербов в западных СМИ усилился, и даже подписанные в Париже 14 декабря 1995 г. президентом Хорватии Ф. Туджманом, президентом Боснии и Герцеговины А. Изетбеговичем и представлявшим СРЮ президентом Сербии С. Милошевичем Дейтонские соглашения не изменили отношения жителей стран Запада к руководству Сербии и к сербам вообще. Оно оставалось негативным.

* * *

США, как известно, также оказались вовлечены в события, происходившие на территории бывшей Югославии, однако в отличие от стран Западной Европы это произошло далеко не сразу.

Первоначально, в 1990–1991 гг., когда у власти в США находились еще республиканцы, администрация Дж. Буша весьма сдержанно относилась к возможному распаду Югославии и выступала за сохранение ее территориальной целостности, считая, что в обратном случае произойдет перекройка границ в Европе, а это может негативно повлиять на европейскую безопасность и в особенности на ситуацию в СССР, где усиливались дезинтеграционные процессы. Однако по мере того, как процесс интернационализации Югославского кризиса набирал обороты, США постепенно втягивались в происходящие события.

Вслед за странами – членами ЕЭС США признали в качестве независимых государств Словению и Хорватию, Македонию, а также Боснию и Герцеговину, хотя и сделали это последними из западных государств – 7 апреля 1992 г. Признать СРЮ США отказались. Оформившийся тогда режим Милошевича расценивался как "необольшевистский". В перспективе он мог выйти из-под контроля США, а этого американцы допустить не могли. В результате среди руководства США, вначале в рамках администрации Дж. Буша, а затем и пришедшей к власти в 1993 г. администрации Б. Клинтона сложилось устойчивое мнение, что режим Милошевича представляет собой диктатуру. Впрочем, этому своим поведением во многом поспособствовал и сам Милошевич. 14 апреля 1992 г. государственный департамент США назвал главным виновником войны в Бос-

²⁸ 28 августа 1995 г. имела место бомбардировка Сараево из артиллерийских орудий. Были убиты 37 и ранены 85 человек. Ответственность за случившееся представители международного сообщества вновь возложили на боснийских сербов.

²⁹ *Europinion*, № 6, october 1995. Results of "Continuous Tracking" Surveys of the European Union (july to october 1995). – http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/europinion_cts/eo6/eo6_en.htm.

³⁰ Подробнее см. Падение Сребреницы. Доклад Генерального секретаря ООН, представленный во исполнение резолюции 53/35 Генеральной Ассамблеи ООН. Сайт Организации Объединенных Наций. – <http://www.un.org>.

нии и Герцеговине именно Милошевича, указав на необходимость введения режима международных санкций против СРЮ.

Общественное мнение в США оказалось подвержено практически тем же тенденциям, что и в странах Западной Европы. Процесс "демонизации" сербов приобрел в США вполне конкретные очертания³¹. Сравнивая Милошевича с известными в истории диктаторами, а также используя антисербскую риторику, почти все американские СМИ с односторонних позиций освещали происходившее в бывшей Югославии³² и акцентировали внимание на "зверствах" боснийских сербов. Субъективизм стал одной из самых существенных черт американских СМИ, подчеркнул генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-Гали. В марте 1993 г., говоря о ситуации, связанной с развитием событий в Боснии и Герцеговине, он заявил: "Сегодня СМИ уже не сообщают просто новости. Они стали частью этих событий, и это оказывает серьезное воздействие на людей, способствует складыванию определенной реакции мира на кризис"³³.

Некоторые представители СМИ, например "Вашингтон пост" 14 августа 1992 г. и "Нью-Йорк таймс" 23 октября 1993 г., прямо признали это. Однако общий тон оставался прежним, и в результате в США так же, как в Западной Европе, сложилось устойчивое мнение, что в бывшей Югославии, и особенно в Боснии и Герцеговине, главными виновниками кризиса являются сербы и Сербия во главе с Милошевичем³⁴. Пожалуй, один из самых ярких тому примеров – статья в журнале "Тайм" под названием "Балканский мясник". Автор этой публикации подчеркнул: "Пытаясь объединить всех сербов в рамках единой страны, Милошевич своим неуступчивым поведением больше чем кто-либо несет ответственность за кровопролитие"³⁵.

Таким образом, СМИ, являющиеся одним из самых привычных каналов выражения общественного мнения в современном обществе, и сами оказывали определенное воздействие на общественное мнение. Интересна в этом смысле статья, сравнительно недавно появившаяся в одном из зарубежных журналов. В ней не только рассматривается позиция, которую во время кризиса в Боснии и Герцеговине занимали "Вашингтон пост" и "Нью-Йорк таймс", наиболее влиятельные в США ежедневные газеты, но и предпринята попытка раскрыть роль прессы в процессе формирования политики администрации Клинтона в отношении ситуации в бывшей Югославии³⁶. Авторы этой статьи Й. Эйбрах и Й. Блох-Элькон относят названные выше газеты к числу "элитных", т.е. к тем, которые имеют определенное влияние на руководство США. Эти газеты, подчеркивают исследователи, постоянно акцентировали внимание своих читателей, среди которых, кстати, было немало высокопоставленных чиновников из администрации США, на таких категориях, как "гуманитарная катастрофа", и негативных сторонах событий, происходивших в Боснии и Герцеговине, фактически "подталкивая" президента Клинтона и его администрацию к более активным действиям на Балканах.

³¹ "Демонизация" сербов в СМИ США иногда выходила за рамки разумного. Так, в одной из ежедневных газет заявлялось, что некая группа террористов-сербов совершила теракт в Нью-Йорке у здания Всемирного торгового центра в 1993 г. Вскоре выяснилось, что к этому причастна террористическая организация "Аль-Каида" во главе с Усамой бен Ладеном.

³² Особую роль в организации такого потока информации сыграла известная в США фирма "Ruder Finn Global Public Affairs" во главе с Дж. Харфом. Специализирующаяся на связях с общественностью, эта фирма фактически организовала настоящую пропагандистскую кампанию в США против сербов. С 1991 г. она получала поддержку со стороны Словении и Хорватии, а с 1992 г. – боснийцев-мусульман.

³³ Цит. по: Brock P. Op. cit., p. 152–172.

³⁴ Существенно, что эта точка зрения до сих пор является преобладающей. 27 июня 2005 г. Палата представителей конгресса США подавляющим большинством голосов приняла специальную резолюцию № 199, в соответствии с которой меньше чем через месяц была отмечена 10-я годовщина событий в Сребренице. Причем в документе вновь, как и в 1990-е годы, указывалось, что сербы и лично Милошевич несут вину за "этнические чистки" в Боснии и Герцеговине, а также геноцид в отношении боснийцев-мусульман. – Washington Post, 27.VI.2005.

³⁵ См. James L. Graff Belgrade. The Butcher of the Balkans. – Time, 8.VI.1992.

³⁶ См. Auerbach Y., Bloch-Elkon Y. Media Framing and Foreign Policy: The Elite Press vis-à-vis US Policy in Bosnia, 1992–95. – Journal of Peace Research, v. 42, 2005, № 1, p. 83–99.

В том же ключе написана работа Дж. Дж. Садковича "Американские медиа и Югославия, 1991–1995 гг."³⁷. Ее автор охарактеризовал не только позицию "Вашингтон пост" и "Нью-Йорк таймс", но и ведущего канала новостей Си-Эн-Эн. Он также подверг анализу материал ведущих информационных агентств США – Ассошиэйтед Пресс, Юнайтед Пресс Интернэшнл и известного во всем мире информационного агентства Рейтер. По мнению Садковича, американские СМИ преподносили конфликт в Боснии и Герцеговине не столько как гражданскую войну, сколько как "этнический конфликт" и приняли самое активное участие в процессе формирования общественного мнения США в отношении Югославского кризиса.

Вместе с тем активный интерес общественности США к происходящему на территории бывшей Югославии, и в первую очередь в Боснии и Герцеговине, даже несмотря на постоянное внимание к событиям на Балканах со стороны американских СМИ, появился не сразу. В течение 1992–1995 гг. подавляющее большинство американцев (более 3/4) знали о происходивших в бывшей Югославии событиях, но лишь немногие расценивали их как важную для США проблему. И только к концу 1995 г. они стали проявлять повышенный интерес к Боснии и Герцеговине.

Спустя месяц после введения режима международных санкций в отношении СРЮ в США был проведен опрос общественного мнения, в ходе которого выяснилось, что американцы в большинстве своем поддерживают эти меры: "за" высказались 75% опрошенных, "против" – 20%. Причем американцы считали, что эти меры должны сохраняться вплоть до того момента, когда будет остановлена "агрессия Сербии". Однако в вопросе об эмбарго на поставки конфликтующим сторонам оружия и военных материалов американцы проявили непоследовательность: неизменно больше половины опрошенных считали, что для противников боснийских сербов необходимо сделать исключение, чтобы они могли защитить себя³⁸. С другой стороны, подавляющее большинство американцев подчеркивало, что США должны сохранять нейтралитет и напрямую не участвовать в продаже оружия какой-либо из сторон, принимающих участие в войне в Боснии и Герцеговине, пусть даже боснийские сербы и имеют в этом явное преимущество. 21 апреля 1994 г. и 7 декабря 1994 г. на это указали соответственно 76% (против – 20%) и 80% (против – 13%)³⁹.

Вместе с тем, когда речь шла о том, чтобы вмешаться в события, разворачивавшиеся в бывшей Югославии, американцы в отличие от руководства своей страны проявили осторожность. Американские исследователи С. Кэлл и К. Рамзэй утверждают, что "большинство американцев с самого начала войны в Боснии и Герцеговине проявили сильное желание предпринять определенные действия в этой части бывшей Югославии", но в то же время они "вовсе не считали необходимым быть вовлеченными в события в Боснии и Герцеговине"⁴⁰. В 1990-е годы американцы расценивали балканское направление внешней политики США только как одно из многих. Выражая озабоченность по поводу катастрофического развития событий в бывшей Югославии, они полагали, что необходимо осуществить вмешательство в ситуацию в Боснии и Герцеговине. Однако, как считают авторы издаваемого в США каждые четыре года под эгидой Чикагского совета по внешним сношениям сборника "Американское общественное мнение и внешняя политика США", в 1990-е годы в массовом сознании американцев господствовал так называемый "прагматический интернационализм". В соответствии с ним активная роль США в мире получала поддержку со стороны американцев только в рамках многосторонних действий (через механизмы ООН, НАТО и систему свободной торговли) или если напрямую затрагивались жизненно важные национальные интересы страны⁴¹. В противном случае американцы, как правило, проявляли осторожность, и события в Боснии и Герцеговине – тому пример.

³⁷ См. *Sadkovich J.J. The U.S. Media and Yugoslavia, 1991–1995*. Praeger Publishers, 1998.

³⁸ CBS/New York Times Poll, 3.VI.1992; 4.V, 21.VI.1993; 23.VII.1995.

³⁹ См. Yankelovich Partners Surveys, 21.IV.1994; 7.XII.1994.

⁴⁰ См. *Kull S., Ramsay C. U.S. Public Opinion on Intervention in Bosnia*. – *International Public Opinion and the Bosnia Crisis: A Comparative Perspective*, p. 69–106.

⁴¹ Подробнее см. *American Public Opinion and U.S. Foreign Policy 1995*. Ed. by J.E. Rielly. Chicago, 1995.

По данным опросов общественного мнения, американцы, хотя и признавали положение, складывавшееся в бывшей Югославии, как важную международную проблему, в большинстве своем вовсе не идентифицировали его как фактор, серьезно влияющий на место и роль США в мире⁴².

Опросы общественного мнения, проведенные в США в течение 1992–1995 гг., свидетельствовали и о том, что ситуация в бывшей Югославии не рассматривалась американцами как одна из первоочередных проблем, стоящих перед правительством США. Как правило, только 1–3% опрошенных относили эту проблему к первоочередным и лишь немногие считали, что США несут какую-либо ответственность за происходящее на Балканском полуострове. Американцы полагали, что ведущую роль в урегулировании ситуации должны сыграть не США, а страны Европы, поскольку именно там разворачивается Югославский кризис. Результаты соответствующих опросов 11 августа 1992 г., 12 января 1993 г. и 4 мая 1993 г. были такими: 81% (против – 12%), 82% (против – 13%) и 77% (против – 16%)⁴³.

Кроме того, уже тогда американцы полагали, что вмешательство в Боснию и Герцеговину должно носить не чисто военный, а миротворческий характер и осуществляться под эгидой ООН. Количество тех, кто выступал за единоличные действия США, было невелико (примерно 1/3), а число тех, кто был склонен поддержать первую точку зрения, как правило, было больше половины⁴⁴. Так, в июне 1992 г. за отправку в район конфликта войск ООН, которые должны были осуществлять здесь операцию по поддержанию мира и при этом соблюдать нейтралитет, выступали 78% американцев, 18% были против. Такая приверженность к многостороннему подходу имела своим следствием то, что 6 мая 1993 г. американцы в целом положительно (68% против – 30%)⁴⁵ высказались за вероятное участие войск США в действиях ООН по установлению мира в Боснии и Герцеговине, однако только в том случае, если эти действия будут успешными.

В связи с этим американский исследователь Р. Собейл писал: "Американская общественность в том, что касалось ее отношения к шагам президента в Боснии и Герцеговине в условиях бездействия и нерешительности действий США, предпочитала их скорее не одобрять, чем одобрять... С другой стороны, американцы, как правило, выражали свое одобрение, а не осуждение деятельности президента, но лишь тогда, когда он намеревался принять решение об участии США в союзнических действиях в Боснии и Герцеговине"⁴⁶. На это указывают данные, относящиеся к оценкам, которые американцы давали администрации Клинтона применительно к ее политике в отношении ситуации в Боснии и Герцеговине. Американцы выразили поддержку президенту Клинтону, когда, например, в апреле 1993 г. он впервые высказался в пользу вероятного вмешательства США в события, происходящие в Боснии и Герцеговине, а также после того, как в феврале 1994 г. в связи с обострением ситуации вокруг Сараево появился ультиматум, выдвинутый боснийскими сербами.

Американская общественность, продолжает Собейл, так же, как и руководство США, все еще ощущала на себе воздействие "вьетнамского синдрома", и это "очень сильно отличало общественное мнение в США от позиции общественности в странах Западной Европы, которая проявила решительность и скорее, наоборот, была склонна к тому, чтобы поддержать вмешательство. А желание европейцев наказать сербов за плохое поведение оказалось даже большим, чем у правительств их стран"⁴⁷.

⁴² На это, в частности, указывают американские исследователи. См., например: *Bennett S. E., Flickinger R. S., Rhine S. L.* American Public Opinion and the Civil War in Bosnia. Attention, Knowledge and the Media. – *The Harvard International Journal of Press / Politics*, v. 2, 1997, № 4, p. 87–105.

⁴³ CBS/New York Times Poll, 11.VIII.1992; 12.I, 4.V.1993.

⁴⁴ См., например: *USA Today/CNN/Gallup Poll*, "Most Think U.S. Should Stay Out". – *USA Today*, 7.V.1993.

⁴⁵ *Gallup Poll*, 6.V.1993.

⁴⁶ См.: *Sobel R.* U.S. and European Attitudes Toward Intervention in the Former Yugoslavia: Mourir pour la Bosnie?; *idem.* Portraying American Public Opinion toward the Bosnia Crisis. – *Harvard International Journal of Press/Politics*, v. 3, № 2, spring 1999, p. 16–33.

⁴⁷ *Sobel R.* To Intervene or Not to Intervene in Bosnia: That Was the Question for the United States and Europe. – *Decisionmaking in a Glass House: Mass Media, Public Opinion, and American and European Foreign Policy in the 21st Century*. Ed. by B.L. Nacos, R.Y. Shapiro, P. Isernia. Lanham, 2000.

Так, например, согласно опросу общественного мнения, проведенному в США организацией "Гэллуп" в апреле 1993 г., т.е. спустя год после начала войны в Боснии и Герцеговине, а также когда Клинтон представил план возможного военного вмешательства в ситуацию на Балканах, "если не будет достигнуто мирное решение", отношение американцев к тому, чтобы США, используя свои ВВС, осуществили военную операцию против боснийских сербов, и к возможному нанесению удара по Сербии, оказывавшей помощь боснийским сербам, в целом являлось критическим⁴⁸. Это критическое отношение только усиливалось, если речь заходила о том, что страны Европы не будут принимать участие в подобного рода действиях, и ослабевало, когда ситуация рассматривалась с учетом их вероятного участия⁴⁹.

Положительный отклик со стороны американцев (61% против – 31%) получило только участие ВВС США в действиях стран – членов НАТО по патрулированию неба над Боснией и Герцеговиной с возможностью сбивать самолеты сербов, нарушившие режим полетов⁵⁰. В этих условиях 20 мая 1993 г. президент Клинтон заявил, что США еще не готовы к тому, чтобы отправить в район конфликта вооруженные силы. "Основные цели США состоят в том, чтобы остановить распространение конфликта, а также защитить население от этнических чисток. Все действия будут предприниматься только в соответствии с решениями Организации Объединенных Наций", – подчеркнул Клинтон. Однако спустя несколько месяцев, 2 августа 1993 г., он заявил о своей поддержке планов НАТО, связанных с нанесением ракетно-бомбовых ударов по позициям боснийских сербов в Боснии и Герцеговине.

Дело в том, что к этому времени боснийские сербы стали создавать серьезные проблемы для находившихся здесь частей миротворческих войск ООН, вновь угрожая Сараево, вследствие чего отношение американцев к "акции возмездия" против боснийских сербов изменилось. Как свидетельствуют опросы общественного мнения, количество тех, кто относился к этому положительно, превысило 50%: 24 июня 1993 г. – 61% (против 29%), 2 августа 1993 г. – 61% (против 28%)⁵¹.

В октябре 1993 г. организация "Гэллуп" провела в США еще один опрос общественного мнения. На вопрос: "Если в Боснии и Герцеговине будет достигнуто мирное соглашение, как Вы отнесетесь к тому, что США направят в район конфликта в составе миротворческих сил ООН 20 тыс. военнослужащих?" – ответы респондентов распределились так: "за" – 40%, "против" – 52%, "затрудняюсь ответить" – 8%.

Даже после трагических событий в Сараево в феврале 1994 г., когда, казалось бы, уже назрела необходимость осуществить вмешательство в Боснию и Герцеговину, американцы все еще проявляли осторожность: только незначительное большинство опрошенных (48% против 43%) заявило, что в сложившейся ситуации стоит нанести ракетно-бомбовые удары по позициям боснийских сербов. Но гораздо большее количество американцев выступило категорически против отправки в район конфликта сухопутных войск США⁵². Впоследствии уже 76% опрошенных были согласны со следующей точкой зрения: "Единственный способ для США, чтобы не выглядеть мировым полицейским, – это предоставление ООН средств для выполнения некоторых полицейских функций. Миротворчество ООН – вот способ, с помощью которого мы сможем разделить бремя ответственности с другими странами".

Таким образом, американцы выразили свое критическое отношение к одностороннему подходу и высказались за многосторонние действия в Боснии и Герцеговине. При этом неуверенность в успехе, на наш взгляд, была основным фактором, оказавшим воздействие на их отношение к этой проблеме. По всей видимости, такое отношение было связано также и с тем, что в массовом сознании американцев тогда сформировался (по аналогии с

⁴⁸ См. *Morin R.* Not Quite Ready Yet for Action in Bosnia: But Support for U.S. Intervention Is Growing. – *Washington Post National Weekly*, 10–16.V.1993.

⁴⁹ *ABC/Washington Post Poll*, 6, 20.V.1993.

⁵⁰ *Harris Poll*, 28.IV.1993.

⁵¹ *CBS/New York Times Poll*, 24.VI, 2.VIII.1993.

⁵² *Fields G.* "No Consensus on U.S. Role". – *USA Today*, 7.II.1994.

"вьетнамским синдромом") "сомалийский синдром", обусловленный крайне неудачной для США попыткой вмешаться во внутренний конфликт в Сомали в 1993 г., результатом чего стала трагическая гибель 18 морских пехотинцев во время специальной операции в Могадишо в октябре того же года и последующий уход США из этой страны⁵³.

Серьезное воздействие на американцев продолжал оказывать и "вьетнамский синдром", в основе которого лежит не только страх перед тем, что участие войск США в какой-либо войне за пределами страны может привести к значительным жертвам среди американских военнослужащих, но и опасения, что США могут "увязнуть" в войне, как в трясине. Причем оказалось, что на руководство США "вьетнамский синдром" оказывал еще большее влияние, чем на граждан страны.

Постоянная демонстрация новостей о развернувшейся на Балканах, и в частности в Боснии и Герцеговине, трагедии, хотя и привела к складыванию в массовом сознании американцев мнения, что здесь имеет место "гуманитарная катастрофа", но не более того⁵⁴. Даже спустя два года, в октябре 1995 г., американцы все еще критически относились к возможной отправке в Боснию и Герцеговину войск США, при этом, с учетом роста вероятных жертв среди американских военнослужащих, в последующем такое отношение только усиливалось. Единственный вариант, на который были согласны американцы, – это отсутствие потерь среди личного состава⁵⁵.

Однако руководство США все-таки приняло решение вмешаться в ситуацию в Боснии и Герцеговине, хотя и в несколько иной форме, чем это имело место в Сомали. Речь, в частности, шла о совместном с союзниками по НАТО периодическом нанесении ракетно-бомбовых ударов по позициям боснийских сербов. Американцы, как свидетельствуют данные опросов общественного мнения, высказали свое положительное отношение к этому, тем более что в июне–июле 1995 г. ситуация в Боснии и Герцеговине вновь ухудшилась. Трагические события в Сребренице и их освещение в СМИ стран Запада вызвали волну возмущения действиями боснийских сербов, что не могло не сказаться на отношении американцев к "акции возмездия"⁵⁶.

К этому времени окончательно оформилась направленность политики США в отношении войны в Боснии и Герцеговине: проводя жесткий курс относительно боснийских сербов, США оказывали как прямую, так и косвенную поддержку их противникам – боснийцам-мусульманам и хорватам. Эскалация американского вмешательства на Балканах пришлась на 1995 г. В условиях войны в Боснии и Герцеговине США окончательно установили свой контроль над процессом распада некогда единой Югославии. В итоге интенсивной дипломатической активности помощника государственного секретаря США Р. Холбрука 21 ноября 1995 г. на военной базе Рай-Паттерсон, близ города Дейтон (США, штат Огайо), были парафированы Дейтонские соглашения⁵⁷.

Дейтонские соглашения окончательно закрепили участие НАТО в процессе урегулирования в Боснии и Герцеговине, поскольку в соответствии с ними создавались многонациональные, в количестве 70 тыс. человек, Силы по выполнению соглашения (ИФОР), составленные из контингентов стран – членов НАТО, под командованием Североатлантического альянса. Уже 20 декабря 1995 г. функции СООНО были переданы ИФОР, участники которых получили свою "зону ответственности" в Боснии и Герцеговине, а спустя год, 20 декабря 1996 г., их заменили СФОР – Силы по стабилизации. Участие в ИФОР и СФОР приняли практически все страны – члены НАТО, в том числе США. В Боснию и

⁵³ См.: Kull S., Ramsay C. The Myth of the Reactive Public: American Public Attitudes on Military Fatalities in the Post-Cold War Period. – Public Opinion and the International Use of Force, p. 205–228.

⁵⁴ Подробнее см. Strobel W.P. Late-Breaking Foreign Policy. The News Media's Influence on Peace Operations. Washington, 1997.

⁵⁵ Gallup/CNN/USA Today, 19–22.X.1995.

⁵⁶ NBC/Wall Street Journal Poll, 2.VI, 29.VII.1993.

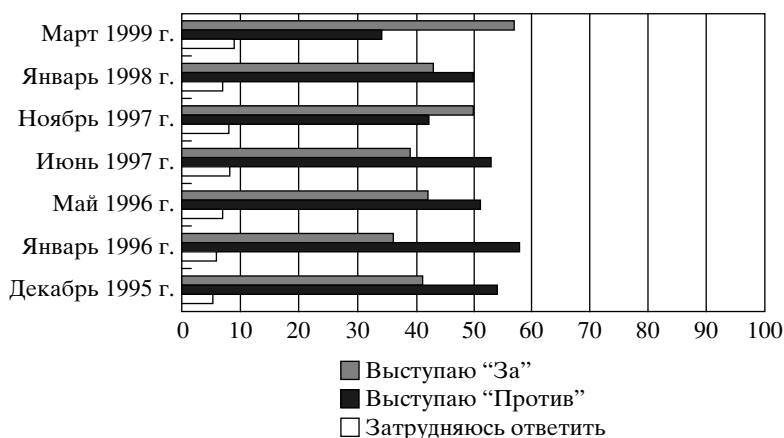
⁵⁷ Примечательно, что к этому времени максимально вырос интерес американской общественности к событиям, происходившим в бывшей Югославии, в первую очередь в Боснии и Герцеговине. Подробнее см. Rhine S.L., Earl B.S., Flickinger R.S. Gaps in Americans' Knowledge About the Bosnian Civil War. – American Politics Research, v. 29, 2001, № 11, p. 592–607.

Герцеговину был отправлен контингент вооруженных сил США. Как свидетельствуют опросы общественного мнения, первоначально американцы, так же как и ранее, критически относились к участию американских сухопутных войск в этой операции.

В течение 1992–1995 гг. можно было наблюдать некоторые трансформации, связанные с отношением американцев к возможной наземной операции с целью прекращения войны в Боснии и Герцеговине, а главное – к участию в ней войск США. 29 ноября 1995 г., т.е. уже после того, как были подписаны Дейтонские соглашения, на вопрос "Вы выступаете за или против того, чтобы в Боснию и Герцеговину, в соответствии с решением президента Б. Клинтона, для участия в операции по поддержанию мира были отправлены американские войска?" – были получены следующие ответы: "за" – 38%, "против" – 58%, "затрудняюсь ответить" – 4%⁵⁸. Однако, как видно из представленной ниже диаграммы (табл. 3)⁵⁹, отношение американцев к участию контингента войск США в миротворческой операции в Боснии и Герцеговине, первоначально – отрицательное⁶⁰, вскоре сменилось на положительное. Вопрос, который был задан, звучал так: "Как Вы относитесь к нахождению в Боснии и Герцеговине американских войск?".

Таблица 3

**Отношение американцев к участию контингента войск США
в миротворческой операции в Боснии и Герцеговине**



Отмеченные выше изменения, на наш взгляд, связаны прежде всего с тем, что осуществляемая в Боснии и Герцеговине операция по поддержанию мира носила относительно мирный характер и с течением времени ввиду почти полного отсутствия жертв среди военнослужащих стран – участниц этой операции, в том числе и США, "сомалийский синдром" стал ослабевать. И, как видно из представленной выше диаграммы, к началу очередной фазы в развитии Югославского кризиса – военной операции стран – членов НАТО против Югославии (24 марта – 10 июня 1999 г.) – американское общественное мнение стало относиться к дальнейшей перспективе участия контингента войск США в миротворческой операции в Боснии и Герцеговине по-иному.

⁵⁸ ABC/Washington Post Poll, 29.XI.1995.

⁵⁹ CNN/USA-Today/Gallup Poll, 15–18.XII.1995; The Pew Research Center for the People and the Press. – <http://people-press.org/>.

⁶⁰ В декабре 1995 г. американцы считали, что эффективность находящихся на территории Боснии и Герцеговины вооруженных сил стран – членов НАТО будет не очень высока. На вопрос "Как Вы знаете, миссия американского контингента в Боснии и Герцеговине заключается в том, чтобы свести к минимуму межэтнические столкновения, а также создать климат, способствующий установлению здесь длительного мира. На Ваш взгляд, удастся ли им добиться этого?", – были получены следующие ответы: "определенно да" – 7%, "скорее да" – 40%, "скорее нет" – 33%, "определенно нет" – 20%. (Bosnia within Question Text from All Polls and All Years. – <http://cgi.irss.unc.edu/cgi-bin/POLL/>.)

В течение 1989–1995 гг., т.е. тогда, когда имел место распад некогда единой Югославии, а главным образом во время войны в Боснии и Герцеговине (1992–1995 гг.), в странах Запада и сложилась та конфигурация общественного мнения в отношении происходивших на территории бывшей Югославии событий, которая впоследствии, уже в условиях Косовского кризиса 1998–1999 гг., проявилась со всей очевидностью. Одной из важнейших ее составляющих стало критическое отношение к сербам, во многом сформированное СМИ.

В результате, как подчеркивают современные исследователи, авторы коллективного научного труда, в котором подробно рассматривается реакция общественности на кризис в Боснии и Герцеговине начиная с 1992 г. и вплоть до подписания Дейтонских соглашений 1995 г., «СМИ и отклик в них на "этнические чистки" сыграли важнейшую роль в изменении позиции общественного мнения и политики правительств в пользу вмешательства в Боснию и Герцеговину от имени мусульман»⁶¹.

В 1990-е годы в странах Западной Европы произошло достаточно быстрое крушение старых и одновременно складывание новых стереотипов, касающихся образа Сербии. Со всей очевидностью этот процесс проявился во время войны в Боснии и Герцеговине, а также в условиях Косовского кризиса. При этом уход в 2000 г. с политической арены президента СРЮ Милошевича и даже его смерть в 2006 г., хотя и повлияли на массовое сознание европейцев, тем не менее не привели к окончательной ликвидации сложившегося ранее негативного образа Сербии. Его преодоление происходит долго и мучительно, о чем, в частности, свидетельствует тот факт, что вопрос о возможном вступлении Сербии в состав Европейского Союза так и остается открытым.

Что же касается позиции американской общественности, то здесь свою роль сыграли ставшие уже традиционными штампы, когда руководство США неизменно ищет себе в качестве "врага" очередной неудобный режим, борьба с которым объявляется острой необходимостью с точки зрения защиты национальных интересов США, и в данном случае Сербия выступила в качестве одного из таких режимов.

⁶¹ См. *Shirayev E., Sobel R. Public Opinion and the Bosnia Crisis: a Conclusion. – International Public Opinion and the Bosnia Crisis: A Comparative Perspective*, p. 289.